

УДК 94(47)“1917”
ББК 63.3(2)6
К21

Кара-Мурза, Сергей Георгиевич.

К21 1917. Две революции – два проекта / Сергей Кара-Мурза. —
Москва : Алгоритм, 2017. — 384 с. — (Уроки истории).

ISBN 978-5-906979-64-3

Возможен ли хрестоматийно ясный взгляд на причины, движущие силы и саму суть революций 1917 года в современной России? Отношение общества, претерпевшего культурную травму в процессе краха СССР, к тем историческим событиям, считает автор книги, перегружено эмоциями и драматическими образами прошлого. С. Г. Кара-Мурза предлагает перевести важное обсуждение двух больших стратегических проектов — Февральской и Октябрьской революций — в плоскость рациональных понятий. «Общий язык понятий, логика и мера на время утихомирят страсти и позволят людям связать 1917 год с 2017 годом, а главное, взглянуть в будущее, – считает автор и подытоживает: — Это — наша национальная задача».

УДК 94(47)“1917”
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-906979-64-3

© Кара-Мурза С.Г., 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

УРОКИ ИСТОРИИ

Кара-Мурза Сергей Георгиевич

1917

ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ – ДВА ПРОЕКТА

Редактор *Н.В. Мезина*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 21.08.2017.
Формат 84х108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20, 16.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906979-64-3

9 785906 979643 >

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Предыстория: меньшевики и большевики	18
Русский либерализм. Кадеты	43
Эсеры	64
Предыстория Февральской революции	71
Крестьянство	90
Рабочие	103
Буржуазия	108
Интеллигенция	115
Дворянство	121
Проект Февральской революции	126
Проект Октябрьской революции	184
Траектория	192
Восстановление государственности: Советы	199
Создание прототипов государственных структур: вооруженные силы	213
Проект Октябрьской революции: развитие и реализация	220
Создание новых социальных форм и институтов	222
Создание структур безопасности	232
Советы: интеграция в систему государственной власти	237
Государство и диктатура пролетариата	243
Строительство народного хозяйства: срочное и перспективное	247
Чрезвычайные проекты и процессы	258
Военный коммунизм	258
Становление новых институтов	262

НЭП	268
Динамика и момент — качества проектов	279
Жестокость революций. Носители милитаризма и насилия в российской революции	302
Жестокость простонародья и Советское государство	316
Проект Октябрьской революции: сборка исторической России в форме СССР	342
Заключение	358
Примечания	371

ПРЕДИСЛОВИЕ

2017 год было решено сделать юбилеем: 100-летие «Великой российской революции». Президент В.В. Путин в Послании 2016 г. высказал важное суждение: «Наступающий, 2017 год — год столетия Февральской и Октябрьской революции. Это весомый повод ещё раз обратиться к причинам и самой природе революции в России. Не только для историков, учёных — российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий... Уверен, что ... уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь. ... Давайте будем помнить: мы единый народ, мы один народ, и Россия у нас одна».

Центральной темой всех памятных мероприятий должно стать примирение между потомками белых и красных. Но эта программа очень сложна и рискованна. С самого начала инициативы юбилея было трудно определить **смысл названия**: «100 лет Великой российской революции». Откуда возникла эта формула? Что историки и политики называют «Великой российской революцией»? Уже в 70-е годы XIX века Маркс и Энгельс в полемике с русскими народниками разглядели, что в России параллельно назревали две революции — не просто различные, но и **враждебные** друг другу.

На первых этапах они могли переплетаться и соединяться в решении общих тактических задач, но их главные векторы и цели были принципиально различны. Позже Маркс и Энгельс пришли к убедительному выводу и внятно изложили в текстах:

— Маркс и Энгельс **поддерживали** революцию в России, не выходящую за рамки буржуазно-либеральных пре-

бований, свергающую царизм и уничтожающую Российскую империю. Это революция, расчищающая путь для развития капитализма; структура классовая база такой революции для Маркса и Энгельса была несущественна;

— Маркс и Энгельс **отвергли** рабоче-крестьянскую революцию, укрепляющую Россию и открывающую простор для ее модернизации на собственных культурных основаниях, без повторения пройденного Западом пути развития капитализма.

Эти две революции и состоялись в России. Первой была Февральская революция 2017 г. В представлении западников и ортодоксальных марксистов (кадетов, меньшевиков и эсеров) это была **прогрессивная** революция. Вторая — Октябрьский переворот 2017 г. В представлении западников и ортодоксальных марксистов — **реакционная контрреволюция**. Против Октябрьской революции они **с помощью Запада** развязали Гражданскую войну. Более того, они призывали левые «прогрессивные силы» Запада к Крестовому походу против Советов, а после поражения в Гражданской войне пытались организовать террористическую борьбу.

Понятно, как сложно для историков соединить в названии «Великая российская революция» **две** разные революции, которые столкнулись в Гражданской войне. Более того, в этой колоссальной и противоречивой Революции произошло столкновение **нескольких** проектов развития России. Государственность, общество и национальная система России как цивилизации оказались на распутье перед несколькими историческими выборами.

Главные из больших стратегических проектов можно выделить: консервативный (Столыпинская реформа), буржуазно-либеральный (Февральская революция), советский (Октябрьская революция), а также ряд важных движений, неустойчиво примыкавших к этим проектам (монархисты и националисты, меньшевики и эсеры, анархисты и заинтересованные внешние силы).

Советская власть и Белое движение в Гражданской войне создавали сложные коалиции и породили на всей территории (и даже за рубежом) процессы экстремальной интенсивности. Известно, что революции — это катастрофы. Они — крайние способы вырваться из исторической ловушки, попытки прорыва порочных кругов противоречий ценой бедствий и страданий. Тот факт, что российская революция обрела общенародный масштаб и имела сложную структуру, предопределил не только огромные потери, но и стал источником бесценного нового («постклассического») знания.

На этом знании произошла новая сборка народов и земель исторической России в форме СССР. В новых социальных и культурных формах были проведены индустриализация и модернизация села. На этой основе был создан «сплошной научный и технический фронт», который обеспечил победу в Великой Отечественной войне, а позже позволил построить надежный щит обороны. Из этого видна сложность системы нашей революции — разнообразие доктрин больших проектов и мобилизация культурных и духовных ресурсов произвели великий синтез, даже в столкновении ценностей и идеалов. Каждый проект, реализуя себя на практике, был *критическим экспериментом* (*experimentum crucis*) и обогатил своих противников необходимым опытом. Поэтому сейчас, через 100 лет, мы можем назвать эту катастрофу и возрождение из нее страны Великой Российской революцией.

Всё это историки знают досконально, они только разделились в личных оценках этих двух революций. В результате во время перестройки вновь сложились две враждебные общности, которые разошлись и стали непримиримыми. Это состояние чревато многими рисками, которые могут обернуться угрозами для всех общностей России. Задача нейтрализовать эти риски очень непроста потому, что в процессе краха СССР общество претерпело культурную травму, и отношения к двум революциям 1917 г. сейчас нагружены эмоциями и драматическими образами прошлого.

Власть, политическая система и наука должны найти формы, в которых группы нашего общества смогли бы высказаться и вести диалог в контексте *революции как культуры* и в научной плоскости — *революции как развивающейся системы*. Хотя это будет непросто, мы не должны подменить фундаментальные научные и мировоззренческие проблемы политической акцией. Этим займутся политические партии.

Другое дело в том, что цели этой программы пока что внятно не объяснены. Такая «встреча на юбилее» — явление гораздо более сложное, чем ожидают наши ведомства. Минкульт утверждал, что цели акции — «подчеркнуть наше российское величие и значение для мира, а с другой стороны — усилить единение российского общества и обеспечить национальное примирение». В декабре 2016 г. организаторы юбилея сообщили газете «Коммерсантъ»: «Выдвигаются разные концепции годовщины, в том числе радикальные — в пользу белых или красных. РИО (Российское историческое общество) выдвигает взвешенную позицию осмысления тех событий и примирения, насколько это возможно. РИО не станет местом, где будут сводиться исторические счеты. ...О необходимости найти “платформу национального примирения” неоднократно говорил и Владимир Мединский, в частности на круглых столах Российского военно-исторического общества (РВИО), которое уже год проводит мероприятия к грядущему юбилею».

Такие, ничем не аргументированные надежды и декларации принять за цели всерьез нельзя. Значит, надо подключаться тем частям нашего травмированного общества, которые способны организовать, чтобы не дать эмоциям выйти из-под контроля. Вспомним, чем обернулось для народов постсоветских республик принятие закона о «репрессированных народах» и какие эффекты он еще порождает.

В СМИ один обозреватель (доцент НИУ ВШЭ П. Родкин) заметил в ноябре 2016 г.: «Столетие революции — это слишком мощная символическая дата, чтобы ее можно

было каким-то образом обойти или не заметить, особенно учитывая то, что она поднимает ряд актуальных социальных вопросов. Поэтому естественно, что так или иначе тема столетия революции властями будет подниматься, причем, на мой взгляд, с однозначным знаком “минус”. В следующем году мы еще увидим и услышим огромное количество фальшивок, клеветы и нападок по отношению к большевикам и всему советскому, поскольку современным политическим классом Октябрьская революция воспринимается как враждебный и социально чуждый проект...

Во многом в этой дискуссии господствует навязанная упрощенно негативная трактовка событий 1917 года, возникающая во время перестройки и в девяностые годы. ... Эта пропагандистская со знаком “минус” повестка действительно ничего нового не открывает и отвлекает от существенных вопросов, переключая внимание на третьестепенные проблемы. Попытка внедрить или опровергнуть многочисленные фейки уводит от понимания смысла тех событий, их социальной сути»¹.

Другой политолог и публицист, Ф. Крашенинников, сказал тоже в ноябре 2016 г. так: «Уже скоро российским властям придется столкнуться на этом пути с серьезным вызовом — столетием Октябрьской; ни одна из трактовок революции 1917 года не укладывается в рамки нынешнего мифотворчества российских властей...

Грядущее столетие революции является серьезным идеологическим вызовом для нынешней власти, и кремлевским политологам и историкам будет непросто подгонять столетие революции под нужды современной пропаганды. ...Как может юбилей пройти? Весь 17-й год — это целый год неудобных юбилеев. Сначала будет юбилей Февральской революции, Корниловского мятежа, выборов в Учредительное собрание, потом Октябрьская революция, потом рождение ЧК. ...Замолчать это не удастся, потому что непонятно, о чем, собственно, тогда говорить, если не об этом. Никто же не заставлял их тащить историю в повседневность»².

Председатель оргкомитета юбилея ректор МГИМО А. Торкунов предупредил: «Мы исходим из того, что эта тема не должна стать поводом для раздора и обострения в обществе». Ну, раз «тема не должна» вести себя плохо, то, конечно, на нас снизойдет гражданское согласие — МГИМО знает. Но это, скорее, благие пожелания. А что, если вместо единения и примирения, наоборот, углубится раскол?

Как сообщила пресса, в Администрации Президента полагали, что любые усилия по смысловому наполнению годовщины революции в России — исключительно «прерогатива научного сообщества». Так не получится. Эта программа неизбежно проектировалась и оформлялась решениями не как событие научно-просветительское и культурное, а как сложное *политическое действие*. Причина для этого в том, что предполагаемые риски проявляются и будут проявляться не в научной, а в политической сфере.

Вот реальное состояние проекта. 23 января 2017 г. состоялось первое заседание оргкомитета по юбилею революции, там уточнили, что комитет этот общественный, а не государственный. Ход работы этого «негосударственного» комитета осветила Парламентская газета, ее обзор называется: «Наследие 1917-го: пришло время лечить “национальную травму”». Парламентарии и эксперты надеются, что столетие революции в России станет поводом прекратить противостояние в обществе».

Можно ли назвать комитет «парламентариев и экспертов» негосударственным? Вот выступает глава Комитета Госдумы по образованию и науке В. Никонов (по совместительству декан факультета государственного управления Московского государственного университета) — он представляет не государство?

Выступает директор Института российской истории РАН Ю. Петров. Он уточнил, что формулировка «Великая русская революция» не означает позитивного отношения к случившемуся, а лишь подчёркивает его масштаб. Это странно! Историк (гуманитарий!), называя русскую революцию «Великой», оценивает ее количеством, а не качеством.

вом. Позитивное отношение? Ни в коем случае. А негативное отношение разрешается? Скажите нам прямо, уважаемые «парламентарии и эксперты». Может быть, Институт российской истории РАН предложит называть Великим нашествие Наполеона — это «лишь подчёркивает его масштаб», и никаких оценок?

Так оргкомитет добивается общественного примирения и согласия в противостоянии различных оценок происшедшего. «В этом — надежда нашего профессионального сообщества», — подчеркнул Ю. Петров.

В. Никонов утверждает: «важен профессиональный анализ, а не хлёсткие политические оценки». Что считается «профессиональным» — измерение масштаба? А может, именно требуемые «политические оценки»? Тут встанет председатель Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Я. Нилов (ЛДПР) и профессионально даёт хлёсткую политическую оценку: то, что предлагают называть сегодня «Великой русской революцией», — произошедший сто лет назад незаконный захват власти в России.

Конкретно он сказал: «Это был госпереворот, одна из первых “цветных” революций в истории. Последствия её мы ощущаем до сих пор: именно тогда подорвали духовно-нравственные основы государства, интеллигенция была уничтожена, начался геноцид верующих, раскулачивание, потом голод, репрессии. ... В сельском хозяйстве мы так и не можем выйти на тот потенциал, которым обладали в 1913 году. В целом всё, что сделано в 1917 году с Россией, сделано в интересах и на деньги зарубежных государств»³.

Парламентская газета не сообщает, были ли «бурные аплодисменты, переходящие в овацию». Вот такие у нас председатели Комитетов Госдумы, особенно «по труду, социальной политике и делам ветеранов».

Но больше всего поражает, что видные историки считают мероприятие «столетия Революции» простым делом. Они если и предполагают какие-то неприятности, то от политиков. Академик А.О. Чубарьян заявил: «Информацион-

ные войны ведут не профессионалы, не историки». Это иллюзия.

Разве он не знает профессора МГУ, МГИМО и РГГУ академика Ю.С. Пивоварова или профессора МГИМО А.Б. Зубова? Они ведут именно идеологические информационные войны. И таких историков — легион. Тем не менее А.О. Чубарьян утверждает: «У нас есть академические институты, есть факультеты и кафедры истории в университетах, которые способны справиться с любыми попытками искажения истории».

Неужели это всерьез? Вот профессор и историк Б.В. Соколов утверждает, что общее число погибших советских военнослужащих в ВОВ — 26,4 млн человек, а немцы на Восточном фронте якобы потеряли всего 2,6 млн (то есть соотношение потерь 10:1). Почему же РАН не «справилась с этими попытками искажения истории»? Этот историк публикует книги, выступает на телевидении, а за ним и академик РАН А.Н. Яковлев, по словам В.В. Познера, «говорит о 27 миллионах погибших солдат именно, то есть военных».

Несмотря на это, А.О. Чубарьян уверен, что «история революции 1917 года сегодня — это тема для дискуссии как между профессионалами в истории, так и в обществе».

Ну, какие сейчас могут быть «дискуссии как между профессионалами в истории, так и в обществе»? Это профанация. Профессионалы и в истории, и во всем общественном мнении ориентированы не на истину (как в науке), а на нравственные ценности (как в идеологии). Именно дефицит объективности и беспристрастности был важным фактором краха как Российской империи, так и СССР. А сейчас кризис методологии гуманитарной интеллигенции еще более углубился.

Объективного анализа двух наших революций от дискуссий широкой публики уж тем более ожидать нельзя. Видный социолог так определяет состояние общества (2012): «Общество постепенно отучили размышлять. Эта усиливающаяся тенденция принимается без возражения

и им самим, так как осознание происшедшего приводит к глубокому психологическому дискомфорту. Массовое сознание инстинктивно отторгает какой-либо анализ происходящего в России»⁴.

Российское «общество спектакля», созданное телевидением, и мозаичная культура, превращающая личность в «человека массы», так резко усилили давление на человека, что это стало острейшей проблемой, особенно при наступлении «третьей волны» кризиса. Австрийский философ Карл Краус афористично выразился о капиталистической правящей верхушке: «У них — пресса, у них — биржа, а теперь у них еще и наше подсознание».

В научном совете Совета безопасности было принято утопическое решение о необходимости в течение года 100-летия революции «противостоять попыткам намеренного искажения этого и других важнейших периодов в российской истории». Каким прибором Совет безопасности будет определять, намеренное искажение совершают профессор Б.В. Соколов и академик А.Н. Яковлев или искреннее, по незнанию? И чем искренние попытки искажения фактов лучше намеренных? Почему искажению из-за невежества не надо противостоять? Все это решение научного синклита выглядит крайне странно.

Не может быть проблема консолидации общества «прерогативой научного сообщества». Это национальная проблема и одна из главных функций государства. А данный момент установки для интерпретации истории революции дает власть. Сам глава Правительства РФ: Д.А. Медведев в сентябре 2016 г., говоря конкретно о 100-летию Октябрьской революции, заявил: «Эта революция — очевидный пример того, как с утратой стабильности были, по сути, разрушены основы экономики и на долгие годы утрачены перспективы экономического роста».

Какой профессиональный историк или экономист после этого начнет объяснять главе Правительства, какие в реальности были «перспективы экономического роста» СССР, или даже сравнивать их с успехами экономической

политики нынешнего Правительства? Таких чудаков среди историков и экономистов в России нет.

В прессе появились туманные исповедальные установки типа: «И у этих своя правда, и у тех своя правда. У всех есть своя правда — вот мы эти правды приняли и примирились!» Что это такое? Кто это придумал? Ведь понятие «правда» в таком контексте — грубая демагогическая метафора. Ах, у грабителя своя правда, а у ограбленного ведь тоже есть своя правда! Значит, они примирились.

Кто-то в Интернете предложил разделить революционеров по другому принципу: «У победителей и у жертв была своя правда». Эти две несоизмеримые категории («победители — жертвы») резко осложняют дело. Теперь мы должны будем понять «правду жертв» и «правду победителей». Победители — видимо, это те, кому посчастливилось избежать судьбы жертв? И как мы будем укреплять гражданское согласие их правнуков?

Чтобы успокоить вековые раны и обиды, не надо читать в сердцах и выпытывать у людей правду их предков. Разумно перевести разговор в плоскость рациональных понятий, тогда и можно будет разным общностям приблизиться к объективной картине. Общий язык понятий, логика и мера на время утихомят страсти и позволят людям связать 1917 год с 2017 годом, а главное, взглянуть в будущее. Это — наша национальная задача.

А ведь можно изложить простым и сухим языком, без призраков и фанфар, два больших стратегических проекта, которые предложили России две революции — Февральская и Октябрьская. Консервативный проект монархии был проверен и отведен без боя. Промежуточные проекты — националистов и анархистов — пока что можно отложить. Сейчас есть достаточно исторических материалов научного типа. Надо только составить популярное описание двух проектов с внятными структурами и с главными смыслами, а не с сенсационными эпизодами и эксцессами.

Официальная советская история нам представляла романтическую и упрощенную картины, думаю, чтобы быст-

рее закрыть раны Гражданской войны. Но сейчас нам всем насущно необходима реальная система противоречий первой четверти XX века, потому что сейчас мы снова переживаем, в принципе, те же противоречия, но в новых условиях. Оттолкнуть урок 1917 года было бы преступлением перед внуками. На эмоциях мы из новой исторической ловушки не вылезем — такие революции повторять некому. Если она будет, то, судя по тенденциям, намного страшнее.

Попытка составить образы проектов Февральской и Октябрьской революций предлагается в этой книжке.